

ПРОТ. СЕРГИЙ ГАККЕЛЬ

МАТЬ МАРИЯ

(1891-1945)

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève
PARIS 5^e

Все это обязывает пересмотреть первоначальный текст и подготовить переработанное и значительно дополненное издание. Такому расширению способствовали еще два фактора, помимо указанных: во-первых, это первое издание на родном языке матери Марии дает возможность обогатить текст цитатами из ее литературного наследства: во-вторых, ее архив находился в моем распоряжении, когда я писал эту книгу, что крайне облегчало работу над ней.

Такую книгу нельзя было бы написать без дружеского содействия монахини Елизаветы (Медведевой), Федора Тимофеевича Пьянова и Игоря Александровича Кривошеина. Я также обязан Софии Борисовне Пиленко (1862-1962) не только за личное внимание, но и за то, что последние годы своей жизни она посвятила делу сохранения и переписки трудов своей дочери, матери Марии. С благодарностью вспоминаю, что она согласилась написать предисловие к английскому изданию этого исследования: к сожалению, она не дожила до его выхода в свет. Приношу искреннюю благодарность и другим лицам, которые помогли мне советами, воспоминаниями или доставлением материалов:

Антонию, митрополиту Сурожскому, С. С. Беннигсену, игуменье Евдокии, архимандриту Льву (Жилле), С. М. Зерновой, Т. Ф. Клепининой, Н. А. Кривошеиной, М. М. Кульманы, И. В. Морозову, Е. Н. Оболенской, Д. Е. Скобцову, профессору Е. Ф. Хиллю и С. П. Жаба. С благодарностью отмечаю также помощь, оказанную мне библиотекой им. Винера (Wiener Library) в Лондоне и библиотекой Британского музея.

У матери Марии было много неудач, как в личном, так и в церковном плане. Два ее замужества кончились разводом. Половину жизни она провела на чужбине, вдали от родины, которую она с такой

В самом деле, как писал В. В. Руднев, «В жестокой борьбе за существование, большинству эмигрантов, каково бы ни было их социальное положение на родине, пришлось спуститься на самые низкие ступени общественной лестницы, опролетаризоваться. В Европе [...] эмиграция могла занять место только среди наименее квалифицированной части пролетариата. Однако, по сравнению с местным рабочим населением, даже этой [всего] хуже оплачиваемой категории, русские эмигранты оказываются в положении наиболее неблагоприятном: над ними сверх того тяготеют установленные во всех государствах Западной Европы для иностранного труда ограничения [...]. Вследствие этого русский эмигрант, чтобы не умереть с голоду, часто вынужден брать работу на любых, более низких, чем существующие на местном рынке, условиях оплаты. Но и получив работу, эмигрант никогда не может быть спокоен за завтрашний день: при малейшем признаке промышленного кризиса [...], русский эмигрант, как иностранец, подлежит увольнению с работы в самую первую очередь».¹

В начале 1923 года в Париж прибыла семья таких эмигрантов. Мало кто заметил их приезд. Семья состояла из шести человек: Елизавета Юрьевна Скобцова (будущая монахиня Мария), София Борисовна Пиленко (ее мать), Даниил Ермолаевич Скобцов (ее муж), сын Юра и две дочери — Настя и Гаяна. Гаяна (старшая из детей) родилась еще в России, когда первый брак ее матери уже заканчивался разводом; младшая, Настя, родилась в Югославии накануне переезда в Париж.

Они следовали путем, общим для многих и многих беженцев: от восточного берега Черного моря на юг, в Грузию; затем на запад в Константинополь; затем в Белград. Часть путешествия совершалась

который мать провела в сосредоточенной молитве, склонившись в земном поклоне. Присутствующие отметили ее особый духовный подъем, исполненный спокойствия. Видно было, что она еще борется с горем, но уже побеждает сомнения. «Очень было тяжело, — говорила она. — Черная ночь. Предельное духовное одиночество [...]. Все было темно вокруг и только где-то вдали — маленькая светлая точка. Теперь я знаю, что такое смерть».⁹

Не слепи меня, Боже, светом,
Не терзай меня, Боже, страданием.
Прикоснулась я этим летом
К тайникам Твоего мироздания.
Средь зеленых, дождливых мест
Вдруг с небес уронил Ты крест.

Поднимаю Твою же силой
И кричу через силу: Оссана.
Есть бескrestная в мире могила,
Над могилою надпись: Гаяна.
Под землей моя милая дочь,
Над землей осиянная ночь.

Тяжелы Твои светлые длани,
Твою правду с трудом понимаю.
Крылья дай отошедшей Гаяне,
Чтоб лететь ей к небесному раю.
Мне же дай мое сердце смирять,
Чтоб Тебя и весь мир Твой принять.¹⁰

В ее стихах не трудно найти «строки сильные, рвущие сердце, «рыдательные»».¹¹ Но с окружающими она мало делилась своими переживаниями после смерти дочерей. Внешне она держалась с людьми непринужденно: веселая, немного лукавая улыбка часто озаряла ее полное, румяное лицо и оживляла темно-карие глаза. Она охотно общалась с людьми и производила впечатление открытости и

жизнь какому-нибудь пьянице или калеке, как это трудно».⁶

Осенью 1931 года, покидая Безансон после такого посещения («поговорила, уехала, забыла»), она писала на эту тему:

Устало дышит паровоз,
Под крышей белый пар клубится,
И в легкий утренний мороз
Торопятся мужские лица.

От города, где тихо спят
Соборы, площади и люди,
Где темный каменный наряд
Веками был, веками будет,

Где зелена струя реки,
Где все в зеленоватом свете,
Где забрались на чердаки
Моей России дикой дети, —

Опять я отрываюсь в даль;
Моя душа опять нищает;
И только одного мне жаль, —
Что сердце мира не вмещает.⁷

Вместить мир, может быть, и нельзя: оказать достаточно помощи — невозможно. Однако, даже при недостаточной помощи многое открывается. Она писала:

«Обращаясь своим духовным миром к духовному миру другого, [человек] встречается со страшной, вдохновляющей тайной подлинного Боговедения, потому что он встречается не с плотью и кровью, не с чувствами и настроением, а с подлинным образом Божиим в человеке, с самой воплощенной иконой Бога в мире, с отблеском тайны Боговоплощения и Богочело-

в монастыре. Архимандрит (признавая, что «различные пути дает Владыка») посылает Анну в мир и велит ей проверить, в какой мере она права, определяя инока как «навоз для Господнего рая». Тем временем Павла (после чаепития) следует с общиной в храм. Она никогда не пропускает службы:

Перебираем мы четки,
Сладкое Имя твердим,
День наш, земной и короткий,
Исчезнет, как ладанный дым.

В миру (действие второе) Анна встречается с фаусто-подобным скитальцем, который триста лет назад покори́лся Сатане с тем условием, что в течение этих столетий он будет спокойно и богато жить. Зато по истечении срока (как раз — этой же ночью) он должен попасть в руки Сатаны. Избавиться от этой судьбы можно только одним путем: ему дана возможность найти себе заместителя в любой момент до окончания срока. Но несмотря на то, что он предлагал людям власть, богатство, красоту, нельзя было уговорить даже приговоренных к смертной казни на такой обмен. Не соблазнил он и Анну. То, что он предлагает, не имеет никакой власти над ней. Зато она имеет власть над собой, и собственной своей свободной волей Анна соглашается на обмен. Ценою ее вечного осуждения спасается скиталец: он мирно умирает. Анна готовится к мукам.

К своему изумлению она обнаруживает (действие третье), что зло над ней не имеет никакой власти: любви и самопожертвования ад не вмещает. Из любви она приняла на себя бремя зла. Этой же любовью она его победоносно упразднила.

В этой мистерии мать Мария не осуждает Павлу безоговорочно, допуская, что свойственная ей духовная близорукость и наивное самомнение до извест-

Постучалась. Есть за дверью кто-то.
С шумом отпирается замок...
Что вам? Тут забота и работа,
Незачем ступать за мой порог.

Дальше. Дальше. Тут вот деньги копят.
Думают о семьях и себе.
Платья штопают и печи топят,
И к привычной клонятся судьбе.

Бескорыстного ль искать меж нами?
Где-то он один свой крест влачит.
Господи, весь мир, как мертвый камень.
Боже, мир, как кладбище, молчит.*

дважды удалось устроить побег детей: четверо из них было вынесено из велодрома в мусорных ящиках и спасено. Для матери Марии, как и для заключенных, это был первый опыт концлагерных условий, и она с горечью могла констатировать, до какой степени они ограничивали или просто упраздняли деятельность любого милосердного самарянина.

Начиная с 15 июля для людей возникла острая потребность в надежных убежищах и в возможностях бегства. Перед Лурмелем встала новая задача. «На Лурмеле переполнение, — писал Мочульский. — Живут люди во флигеле, в сарае, спят в зале на полу. В комнате отца Димитрия ютится целое семейство, в комнате Юры — другое.

Мать говорит: «У нас острый квартирный кризис. Удивительно, что нас до сих пор немцы не прихлопнули». «Если немцы придут разыскивать людей — сказала как-то мать Мария, — я им покажу икону Божьей Матери». «Божья Матерь — это, может быть, ничего, — заметил Бердяев с улыбкой, когда ему это передали, — а вот Оцуп — это серьезнее».

Лурмель и Нуази стали двумя звеньями в сложной цепи убежищ и путей бегства, которая образовалась по всей Франции. Даже ближайшие сотрудники матери Марии чаще всего не знали, куда переправляются их временные обитатели. По словам И. А. Кривошеина, «Здесь вопрос уже шел не только о материальной помощи. Нужно было доставать для людей [поддельные] документы, помогать им бежать в южную, еще не оккупированную зону, укрываться в глухих районах страны. Наконец, необходимо было устраивать детей, родители которых были схвачены на улицах или во время облав». Здесь спасались

участники

Сопротивления. А «на кухне работал некоторое время, до переправки его к партизанам, — бежавший

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие автора	7
Сокращения, принятые в примечаниях	11
Слово о матери Марии	13
1. Обнищание	15
2. Сужение дорог	27
3. Монашество	45
4. Дом на улице Лурмель	59
5. «Православное Дело»	85
6. Вторая евангельская заповедь	109
7. Предчувствия	121
8. Война	147
9. Мученичество	177
